18+

Михаил Хохлов

Грибник

Научно-фантастический роман



Михаил Хохлов

Грибник. Научно-фантастический роман

«Издательские решения»

Хохлов М.

Грибник. Научно-фантастический роман / М. Хохлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592793-4

Научная фантастика, как жанр литературы, воздействует на наши представления о мире, а порой и формирует их. В этом романе попытка предложить читателю представить, осознать возможные реальности жизни. Возможные пути развития цивилизации, в жизнь вечную или в пропасть деградации. Какие силы борются за человека, как человеку противостоять злу? Порой фантастика становится реальностью, реальность кажется фантастичной. Автор надеется, что читатель, читая роман, яснее увидит свою дорогу жизни.

ISBN 978-5-00-592793-4

© Хохлов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Грибник
Научно-фантастический роман
Михаил Хохлов

© Михаил Хохлов, 2022
ISBN 978-5-0059-2793-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Старые серые перекошенные домишки жались друг к другу, разделенные узкими огородиками, обнесенными заборами из высохшего еловника. Домики стояли в два ряда вдоль одной-единственной улицы в маленькой деревеньке, в которой жил Петрович. Заброшенная, забытая, лишенная всех благ цивилизации, за исключением, может быть, только электричества, деревня находилась в глухомани Центральной России. Правда, понятие глухомани для каждого свое. Для жителя Москвы, например, глухоманью может быть место в двухстах-трехстах километрах от столицы, а для жителя Сибири глухомань – это когда целый день, а то и два пути по тайге без дорог и населенных пунктов. Глухомань Петровича – это не то и не другое, просто почти заброшенная деревушка где-то в пятистах километрах от столицы, в которой и был домик Петровича, окруженный с трех сторон лесом, который начинался почти сразу за огородом. Улица по деревне домов в десять, дорога вдоль улицы, сырая и осыпанная желтой листвой от деревьев, растущих кое-как вдоль нее.

Петрович неторопко шел по деревне по дороге, которая уводила от деревни в лес, который темной полосой наступал на деревушку с трех сторон, пытаясь ее поглотить в свое сонное влажное, пахучее хвоей и прелью чрево. Моросящий холодный дождь, изредка переходящий в мокрый снежок, – ноябрь подходил к концу.

В ногах Петровича весело бежала маленькая черненькая собачонка породы русский спаниель. Она отбегала, возвращалась и вновь отбегала, поглядывая в глаза хозяина, и видно было, что рада предстоящему походу, несмотря на сырость и холодный ветер, несмотря на то, что была вся мокрая. Черная кудрявая шерстка блестела от дождя, сыпавшего плотной мелочью капель вперемешку с мокрым снегом.

Петрович шел в свой дальний лесок, который рос за небольшим полем с южной стороны деревеньки. С восточной стороны деревни почти вплотную к ней текла небольшая речушка со студеной и чистой водой. За рекой почти сразу опять начинался лес.

Лесок Петровича местные называли непролазник, он представлял собой действительно полностью непроходимую чащобу, сосны росли плотно одна к одной, особенно по краю, многие деревья имели закрученные в немыслимые узлы стволы, причудливые деревья создавали ощущение неуютного места. Поросший кустарник по кромке леса разросся стеной и переплелся так, что образовалась естественная изгородь, через которую пробраться было просто невозможно, не ободравшись и не намокнув от обильно сырой растительности. Глубже, за кустарником, по самой кромке леса густой стеной росли молодые елки, наступая на поле, которое нерегулярно, но все-таки иногда распахивали задрипанные тракторишки, присылаемые администрацией из центра. В этот «непролазник» не забредали ни местные, ни пришлые грибники, да и грибов, похоже, в нем не могло быть. Лес не прореживали, и в нем не рубили ни дрова, т.к. деревья были негодные, закрученные порой, с гнильцой, да и просто непонятно почему, но этот участок где-то гектаров в пять или семь никто не трогал, он жил своей дремучей жизнью.

Петрович жил в этой деревеньке с самого рожденья, не выезжая никуда, кроме центральной усадьбы, которая была в 6 километрах от его дома. Там когда-то была школа (6 классов), которую он с грехом пополам закончил и потом работал в колхозе, который развалился уж лет тридцать тому назад, в самом начале революционной убийственной перестройки. В армии Петрович не служил по причине негодности по каким-то там внутренним негодным параметрам, о которых он и не знал, и не интересовался. А вот работал, когда был молодым, за двоих и поэтому всегда пользовался у начальства благосклонностью, да еще имел характер совершенно безотказный, выполняя все просьбы односельчан в помощи как по строительству, так и по каким-то другим сельским нуждам. Причем за свою работу никогда ничего не требо-

вал и даже и не спрашивал вообще: что дадут, то и брал, а у пожилых и немощных стариков (и в особенности старух) не брал ничего вообще.

С детства Петрович жил в скромности и обстановке столь простой, что для обычного человека она казалась просто нищенской. Родители его, простые колхозники, всю свою недолгую жизнь на земле проработали в колхозе, ничем особым не выделялись, разве что такой же скромностью, работоспособностью и безотказностью, за что имели огромную любовь и уважение односельчан. Ушли из жизни они, рано погибли на войне, на которую ушли сразу, как услышали о нападении Гитлера на СССР. Воспитывали Петровича дед с бабушкой. Петрович унаследовал все присущие родителям черты. Из одежды он имел всего несколько самых необходимых вещей для каждого сезона, причем носил их до полного обветшания и негодности. Все вещи его были или подарены ему кем-то, или выброшенные и подобранные им. Себе он ничего из вещей отродясь не покупал. Зато огород у Петровича был просто шедевр, нет, он был небольшой, все сажалось и возделывалось в самом необходимом количестве, но зато какое было качество. Картофель имел такой вид и вкус, что и не на каждой выставке сыщешь; овощи: свекла, репа, чеснок, фасоль, горох – все, что росло у Петровича, было просто фантастического качества. Мало того, он и соседям своим всегда готов был подарить ростки, семена и прочее для посадки. Соседи радовались, но через год-другой продукция приобретала обычный вид, а то и вырождалась вовсе.

Питался Петрович только своим, тем, что выращивал на своем огороде, плюс дары леса: ягоды, грибы, иногда рыбка, которую он иногда любил половить в своей речушке у деревни.

Вообще, Петрович сам себя считал человеком зажиточным, и, когда ему назначили пенсию и стали приносить деньги домой, да аж три тысячи рублей, он вначале даже растерялся.

– Да на что они мне, – говорил Петрович. – Деньги у меня всегда есть, грибы или ягоды вон дают столько, что и ввек не истратить.

Но потом привык и даже стал иногда покупать в приезжей лавке сахар и конфетки, одаривая затем ими всех бабушек в округе, до которых мог добраться.

Жил Петрович всегда один, хоть выглядел довольно привлекательным. Красивые русые волосы и правильные черты лица, высокий и статный, широкие плечи, широкая кость, крепкого крестьянского покроя фигура. Но спутницу жизни он не встретил, и это немудрено, т.к. он не выбирался из своей деревни далее центра, а в центре бывал раз-два за сезон. Да и, живя в деревне, всегда пропадал в лесу. Бывало, что по несколько недель кряду, заготавливая травки, грибы, или просто изучал лес, как он говорил. На замечания или подтрунивания односельчан Петрович только смеялся и беззлобно смотрел своими голубыми глазами на своих заботливых соседей.

– Я еще молодой, у меня моя красавица еще не подросла, – смеясь, говорил Петрович доброхотам-шутникам.

И ведь действительно, выглядел он на свои шестьдесят с небольшим очень даже свежо, если не сказать – молодо на вид, вряд ли кто дал бы ему максимум около 40 лет, и это несмотря на то, что в парикмахерской он отродясь не был и стригся сам только для удобства, как он сам определял свою прическу. Представить ее даем каждому по своему разумению, сказав только, что это выглядело довольно архаично и напоминало какого-то былинного персонажа, который порой изображали художники в иллюстрациях к русским народным сказкам. Физически он тоже был крепок и силен, в подтверждение чему можно было привести способ, которым он заготавливал себе дрова.

Петрович выбирал в лесу самые толстые и уже почти отжившие деревья, сваливал их, очищал от веток и сучков, затем нарезал ручной пилой на бревна метров по шесть семь в длину и на плечах или волоком, если уж бревно было очень толстенным, приносил их к дому, где у дровяника уже резал и колол, причем все ветки и сучья в лесу убирались до такой чистоты, что порой казалось, что дерева на этом месте никогда и не было.

– Лес не любит, когда в нем режут и рубят деревья, – говорил он, поясняя свои методы заготовки.

Он любил пояснять в разговоре, что лес – живой организм и ему совсем не безразлично, что люди вытворяют с ним, режа и кромсая его, как им заблагорассудится. Этот организм живет в тесном контакте с живым организмом птиц, зверей, насекомых, они все живут сообща, и только человек живет обособленно и совершенно наплевав на чувства и интересы своих соседей. Иногда Петрович начинал рассказывать соседям о птицах, которых он прекрасно знал, и особенно о тех, кто жил рядом с ним. Он знал их всех по именам и прозвищам, которые им сам дал, и порой рассказывал о том, чем они заняты и что планируют делать. Порой начинал рассказывать в том роде, что вон Пулька опять начал петь невпопад и получил от хозяина взбучку, это он про соседских воробьев, например. Или о синицах начинал говорить: «Сулька опять объелась и спит на лету, отчего недавно чуть с разгону в дом соседки Васильевны не врезалась и все пернатые над ней смеются».

На эти рассказы сельчане смотрели как на шутки и фантазии Петровича, причем он их порой рассказывал не просто так, а в поучение кому-то, не решаясь просто сделать замечание кому-либо, боясь обидеть человека. Прекрасно знал Петрович мир насекомых и подолгу просиживал у огромного муравейника на конце огорода, где начинался хвойный лес, а деревья росли прямо на территории огорода. О мурашках он мог говорить бесконечно, причем начинал рассказывать такое, что порой казалось, что он не в своем уме, но местные знали его чудачества и любили спросить о жизни мурашек, воспринимая рассказ как фантазии одинокого пожилого человека. Петрович был знаком со многими мурашами, и у них так же, как и у птиц и зверей, были имена и клички. Жили они разумно, и все были с характерами, и именно об их заботах и приключениях и любил поведать Петрович. Но особой любовью и вниманием Петрович оделял своих пчелок, которых он держал в самом красивом и высоком месте своего обширного огорода. Мать-пчелка называл он любовно всех своих пчел и мог рассказывать о них часами, лишь бы был внимательный слушатель. У Петровича был десяток ульев-долбленок, выполненных в старом стиле пчеловодства. Пчелы были какие-то особенные: крупные, темно-коричневые, и меду приносили помногу, и он был удивительным по своим качествам: вкусу и аромату. Пчел Петрович перенял от своего деда, который был человеком удивительным и загадочным, имел старую веру и полную грудь боевых наград с фронтов, начиная с Первой мировой войны. Родителей своих Петрович почти не помнил и был воспитан бабушкой и дедом, а родители погибли, когда он был еще совсем малым ребенком. Но самое главное богатство Петрович получил от своей бабки, которую в деревне знали как ведунью, знающую все на свете по части трав и врачевания. Во времена советской власти приходилось скрывать эти знания, но вся округа знала, что Акулина всегда поможет с любыми хворями как человеку, так и скотине и всегда даст правильный совет.

Именно от бабки Петрович и научился знанию трав природы и общению со всей живой тварью. Дед был строг и свои знания-«веды» Петровичу давал выборочно, можно сказать, по крупице, говаривая, что последышу знать не надо этого, он не сможет с этим совладать, потому как он последыш. Что это значило, неведомо, но и особо на этом Петрович (Васятко, как его звал дед в детстве) и не задумывался.

– Не по грибы ль собрался? – окликнула Петровича сидящая на лавочке у последнего домика в деревне соседка. – А лопату чего не взял? Вон – снегу навалит, чем гриб-то выкопашь?

– Ничего, Антонина, мы успеем до снега набрать, нам много не надо, корзиночка то, вишь, полумальская, да, Чарка? – Петрович задал вопрос собачонке, бежавшей рядом.

Чарочка завиляла хвостом, засуетилась, подбежала к Антонине, ткнула ее холодным носом в руку, как бы говоря: «Ты что задаешь пустые вопросы, когда это Петрович без грибов

из лесу приходил, он и зимой наберет, ежели соберется». Затем подбежала к хозяину, посмотрела на него и припустила дальше по тропе, уводящей к непролазнику.

– Привет, Антонина, мы так – немного прогуляться.

– А, ну-ну… с Богом, а я в дом пойду, больно уж сыро, неуютно.

Женщина с трудом встала и пошла в дом.

Петрович прибавил шагу, ощущая радость от встречи с природой и мирозданьем. Он ожидал от сегодняшней прогулки нового познания творения и всей грудью вдыхал мокрый холодный воздух, ощущая доносившийся запах елок и прели опавших листьев, не тронутых еще морозом, который притупит эти запахи и от действия которого пропадет мягкость и неслышность поступи. «Получится или нет сегодня?» – размышлял, немного волнуясь, путник. Последняя попытка найти свое сказочное место была предпринята неделю назад. И, увы, неудача. Петрович взглянул на обернувшуюся к нему собачонку, которая, казалось, прочитала опасения и волнения своего хозяина. «А Чаруня, сегодня ты мне помоги». В предыдущую попытку Петрович оставлял своего верного друга и был один. Сегодня песик вселял надежду на успех. Собачонка каким-то неведомым чутьем каждый раз безошибочно находила нужные места в непролазнике. У самого же Петровича, когда он был один, получалось это с трудом, особенно в последнее время. Собачонка со всей прыти влетела в непролазник, прямо в чащу переплетенных старых веток, низкорослых проростков-елочек, плотной стеной выросших на самой кромке с полем. Треск сучьев раздавался уже внутри зарослей, когда Петрович, раздвигая с усилием эти непролазные дебри, пробирался внутрь сырого темного пахучего царства. Удивительно, как умудрялась собачонка безостановочно влетать в этот колючий кошмар загромождений, не повредив не только шкуру и глаза, но даже не оставляя ни одного клочка шерсти на острых колючих сучках, старых сухих ветках и пнях. Собачонка петляла по непролазнику, нюхая землю и изредка поднимая голову, глядела на хозяина, подзывая взглядом. «Иду, иду», – пыхтел Петрович, пробираясь все дальше и дальше вглубь. Вот первый барьер был пройден. Теперь непролазник, немного расступаясь, показывал свою мощь в виде толстых высоких сосен и елей, окруженных мхом и зарослями черничника. Чарка вбежала в небольшой просвет межу здоровых стволов сосен и направилась прямиком к здоровенной ели с причудливо изогнутым стволом. Ствол этого исполина так завернуло, что он напоминал что-то наподобие арфы. Вернее, половинки арфы. Вторая половинка была прямой и была обозначена стволом той же сосны, но по каким-то причинам обломанным в нескольких метрах от земли. «Вот оно, и как это я не заприметил давеча». Петрович подошел к чудо-сосне, разглядывая дерево. Собачонка стояла у ног хозяина, заглядывая ему в глаза.

Петрович улыбнулся своему четвероногому другу и, наклонившись, взял собачку на руки. «Пойдем, Чаруня». Не спеша подойдя вплотную к ели, Петрович наклонился и пролез через «арфу» в стволе. Собачонка, спрыгнув с рук, почти вся скрылась в высоком пушистом голубоватом мху, растущем вокруг сосны. Весело тявкнув, прыжками она отбежала на несколько шагов вглубь леса. Солнце ярко светило с неба, было тепло, огромные вековые деревья слегка покачивали кронами в высоте. Петрович снял шапку, огляделся. Да тут теплынь. Телогрейка явно была не к месту. Комары, мошкара скоро обозначили себя, пролетая, зудя в чистейшем воздухе. Петрович отошел от чудо-ели и подошел к растущему в нескольких метрах огромному дереву. Прислонясь к стволу, он присел. Немного кружилась голова, но он знал, что это сейчас пройдет. Ствол в несколько метров в обхвате пах смолой. Петрович посмотрел наверх: огромный кедр покачивал ветвями в вышине неба, которое было без единого облачка – ясное летнее небо. К хозяину подбежала верная собачонка, прижалась боком к ногам и, лизнув в руку, посматривала, ожидая, когда хозяин придет в себя. Петрович огляделся.

– Ох, ты смотри-ка, Чаруня, какая красота.

Немного в стороне (в нескольких метрах) из сказочного голубоватого мха виднелись огромные бордовые шапки грибов боровиков. Но какие это были грибы… Огромные (почти

полметра в высоту) и со шляпами с небольшой тазик, на мощных ножках поднятые над мшистой поверхностью грибы казались сказочными, волшебными жителями, которые вот-вот оживут. Дружное грибное семейство состояло из десятка красавцев, но только несколько грибов были огромными, остальные еще не успели, по-видимому, подрасти и были еще почти скрыты в мшистой поверхности. Запуская руку глубоко в мох, грибник аккуратно срезал ножки у самого основания. Беря грибок, подносил его к носу и вдыхал грибной дух. Петрович выбрал самые маленькие грибочки и аккуратно разложил в корзинке. Корзинка оказалась наполненной до краев.

– Ну вот, Чарочка, хватит пока грибков.

Петрович выпрямился, оглядываясь. Отметил, где дерево-арфа. Затем, подойдя к кустарнику, наломал небольших веточек и положил их сверху на корзину с грибами.

– Ну что, пойдем, – улыбнулся он подбежавшей собачонке. Проходя какое-то расстояние, Петрович брал веточку и вставлял ее в расщелинки в коре огромных сосен, которые росли одна от другой на приличном расстоянии. Так он делал заметки, по которым было легко найти дверь, пустившую их в этот сказочный мир. Пройдя несколько километров, вышли на дорогу.

– Ну вот и вышли.

Петрович остановился, вытирая пот со лба. Идти по лесу было непросто, мох был высоким, и порой приходилось обходить заросли кустарника и продираться через завалы. Но наконец вышли на дорожку, которая явно была проторена. Видно было, что дорога проторена гужевым транспортом. Следы от копыт и ободьев колес у телег – все говорило, что дорога используется. Только дорога была несколько необычна. А именно – ширина колеи явно была слишком велика для обычных, привычных нам размеров повозок. Путники бодро двинулись дальше. Скоро после получаса ходьбы лес расступился, дорога пошла под уклон, открылась панорама с возвышенности. Вдали виднелась река, петлявшая по открытому месту и опять уходящая в лес, до реки шла луговина, заросшая травой в рост человека. Там, где река встречалась с лесом, на взгорке виднелся одиноко стоящий домик. Именно туда и направились путники. Собачонка изредка заныривала в травяной лес, распугивая птиц и другую живность, ютящуюся в этих зарослях, радостно лаяла, иногда почуяв кого-то, но потом неизменно возвращалась к хозяину. По мере приближения к домику Петрович как-то непроизвольно замедлил шаг. Подойдя к дому, остановился, не решаясь постучать в дверь и рассматривая строение. Дом был удивительный: огромные, почти метровые в диаметре бревна, из которых был срублен дом, делали его на вид невысоким и приземистым, но в действительности он был довольно высоким и большим. Окна с толстенной рамой, украшенные замысловатой резьбой по наличникам. Такая же массивная дверь, сплошь расписанная резьбой, с витиеватой ручкой из корня. Двухскатная крыша, покрытая черепицей, как видимо, собранной и вырезанной из коры. Все эти необычности делали строение сказочно красивым. За домом шел ряд хозяйственных строений, примыкающих к самому дому. Так же крепко и ладно созданных. Петрович втянул воздух, ощущая деревенский дух, характерный для мест, где проживает живность, ведется хозяйство.

– Эгей… – позвал Петрович. Неуверенно шагнув на крыльцо, постучал в дверь. Но постучал так – для проформы, понимая, что в доме некого нет. – Ну что, Чаруня, хозяев нет, – посмотрев на собачонку, сидевшую на приступочке, сказал с досадой гость. Петрович огляделся, прислушался, на дворе клохтали куры, коровы, видимо, на выгуле. В остальном тишь и благодать. Яркое теплое летнее солнышко, небо без единой тучки, безветрие и чистый прозрачный воздух. Легкое колыхание воздуха заставило Петровича повернуться. Около крыльца стояла женщина. Она была необычной. Одета в старого покроя сарафан с витиеватым узором, вышитым во всю длину одеяния от верха до низа прямо по центральной линии красными нитями, орнамент удлинял фигуру, но было видно, что роста женщина была невысокого. Несмотря на крупные руки, большой бюст и довольно крупное телосложение, она была гармонично и пропорционально сложена. Лицо у ней было круглое, внимательные серые боль-

шие глаза чуть обволокли морщинки, большой, несколько картошкой нос, волосы собраны под платком, но видно, что густые и светлые. Возраст был непонятен, но немолода, это точно.

– Ну что не заходишь-то? – женщина улыбнулась открытой, доброй улыбкой, обнажив крепкие белые зубы. – Никак от своих привычек не отвадишься. Заходи, гость дорогой, – женщина толкнула дверь и, поклонившись Петровичу, как-то плавно и изящно показала рукой, приглашая в дом. Гость не заставил себя ждать и поспешил в дом. Внутри просторного дома было просто необыкновенно. Каждый раз Петрович не мог налюбоваться внутренней простой и милой обстановкой в доме. Огромная белая печь почти в центре избы, немного правее от входа, была украшена рельефной чугунной на прочистках и задвижках. Большой самоварище, примостившийся на печной полке сбоку от входа в топку, весь сиял золотой, медной красотой. Весь пол был застлан узорчатыми расшитыми дорожками. Огромная деревянная кровать, вся в кружевных покрывалах, с огромной, такой же расписанной и разукрашенной подушкой стояла около стены напротив окна. Окно, которое тоже было обрамлено внутренними наличниками и окутано расписным рушником, как и все пять окон в избе. На стенах в разных местах висели платы, украшенные пучками трав и полевых цветиков. От этого, по-видимому, в доме был необычайный дух. Дух свежести, покоя и какого-то обволакивающего уюта. Войдя, Петрович машинально повернулся к красному углу, и рука потянулась к крестному знамению, но застыла. Петрович смутился и взглянул на хозяйку. Женщина, поняв неловкость, улыбнулась.

– Ну так ты бы принес Спасителя-то, я не против, вон – на полочке бы поставил. У нас ведь Его знают.

Петрович улыбнулся женщине и с любовью взглянул на нее, затем, смутившись, опустил глаза.

– Ты, Агушенька, далеко ль была, я уж думал, не увижу тебя.

Петрович прошел к большому столу и присел на лавку.

– Дек у сестры у Малуни была.

Агуша прошла к табурету, стоявшему у стены, и села напротив гостя.

– У Малуни Всейка родила козляток, хорошеньких таких разношерстных игрунов – так мы с ней с ними хороводились. Потом, чую, ты пришел, я мигом сюда. Малуня на меня смеется. – Агуша озорно и весело взглянула на гостя. – Что так не приходил, аль дела какие были?

– Дек знаешь, – Петрович потер руками колени. – Не мог никак проход-то найти, уж весь изошелся, уже думал, что все – уж не видаться нам.

Петрович опять засмущался своей душевной правды и опустил глаза. Потом улыбнулся, посмотрев на притихшую в ногах собачонку.

– Вон – Чаруня проход подсказала, не она бы – опять плутал.

– Да, – насупила озабоченно брови хозяйка, – с проходом, видимо, работают. Ну да ладно, – хозяйка тряхнула головой, отгоняя какие-то тревожные мысли, – давай рассупонивайся. Молочка с дорожки попейте холодненького да вот перекусите.

Агуша вышла из избы и сразу же вернулась, неся кринку в одной руке и прижимая другой плошку, закрытую расписанным полотенцем. Она как-то молниеносно достала из шкафчика, висевшего у печи, большие деревянные кружки, плошки и какую-то резную мисочку. Она действовала так легко и быстро, что Петрович только и успел снять свой видавший виды пинджачок и пристроить его на вешалочку. Телогреечку он не решился внести в дом и оставил ее на улице на крыльце.

Подойдя к небольшому бочоночку, подвешенному на хитроумной рогатинке рядом с входом, Петрович умылся, качнув бочоночек, который, качаясь, выдавал небольшие порции воды, которая стекала в кадушку, стоящую на полу. На столе уже было накрыто, в мисочках был рассыпчатый творог, политый сверху медом, а в кружках молоко. Ой, вот еще Агуша достала

лепешку с какими-то то ли птичками, то ли пчелками, красовавшимися на румяной печеной поверхности хлеба.

– Угощайся, Васятко.

Петрович заулыбался во все лицо, ему было несказанно тепло и радостно. Васяткой называла его только бабушка, да и то в детстве. Было угощение и для Чарочки, которая получила в плошечке молочка, которое с радостью лакала у порожка.

– Ну, вкуснющее у тебя, Агушенька, молочко! – Петрович уписывал угощение, покачивал головой и причмокивал от удовольствия, откусывая душистый, с хрустящей корочкой хлеб. Женщина сидела напротив Петровича, подперев голову рукой и облокотившись на стол, с улыбкой и радостью в глазах смотрела на гостя.

Закусив, Петрович подошел к умывальнику, омыв лицо, вытер полотенцем. Затем с деловитым видом подошел к хозяйке и поклонился, поблагодарив ее за угощение. Женщина тоже встала и поклонилась гостю.

– Ну надоть и дело поделать, я давеча начал было полы в заготнике менять, да там еще Машутке заготню порастоптали, пойду делать.

– Дек ты бы после еды-то отдохнул бы, – Агуша попыталась остановить гостя.

– Дек я не устал, ложка-то нетяжелая, – усмехнулся Петрович и поспешил к выходу. Женщина только качнула головой, скрывая улыбку. Часа три трудился Петрович, работая топором и пилой, стуча и строгая. Работал он с радостью и постоянно удивлялся тем приемам и устройствам, с которыми было изготовлено все в хозяйстве Агуши. Было видно, что все, что сделано по дереву, было сделано с таким мастерством и изяществом, что соответствовать этому стилю было очень непросто. Даже обычные колышки отгородок в скотнике были сделаны с любовью и изяществом и имели резные украшения. Даже обычные доски в загоне, из которых была сколочена ограда для скотины, были с незатейливой, простой, но украшающей резьбой. Петрович копировал стиль и порой удивлялся, как это он, слывший мастером по деревянным изделиям у себя в округе, ощущал себя неловким подмастерьем, копирующим творчество настоящего мастера здесь, в этом необычном мире. Как бы хотелось посмотреть на тех, кто все это делал. Вот чудеса. В углу помещения стояла какая-то старая техника. Массивная, собранная из толстого витиеватого железа загогулина с большим колесом, скорее всего, была давильней или каким-то прессом. Поодаль на деревянной резной скамейке стояла другая машина, небольшая, но тоже массивная, из отполированного железа, с двумя чашами и набором колесиков и шестеренок. Что это, догадаться было сложнее. Удивительно была организована поилка для скотины. Желоб отходил от стены, из которой выходила труба сантиметров двадцать в диаметре. Желоб проходил по полу между стойлом коровы, затем он утончался и шел по другим местам, где обитали другие жители двора. По желобу тек ручеек чистой ключевой воды. Затем желоб переходил опять в трубу, которая уходила в противоположную стену двора.

Но самым удивительным и необъяснимым чудом для Петровича был столярный инструмент, который предоставила ему для работы хозяйка. Что это был за инструмент: топорики разной величины и формы для резьбы и вытачивания, с разными формами лезвия и удобными гладкими топорищами, ладно ложащимися в огромные руки мастера. Стамески, пилки, молоточки. Но главное – в инструменте было качество материала и то, как этот инструмент работал. Вначале, когда Петрович взял топор в руки и, как обычно, хотел проверить, как он заточен, он чуть не отхватил себе палец. Легонько проведя по лезвию, он был удивлен каплям крови, выступившим сразу же из пореза. Оказалось, что инструмент был заточен до такой остроты, что и бритвенное лезвие казалось по сравнению с ним тупым обычным куском металла. Все острые кромки инструмента были заточены до толщины чуть ли не атома. И, разумеется, резал, строгал и колол этот инструмент просто фантастически. Твердое сухое дерево можно было обычным топором резать как по маслу. Само собой, вырезать фигуры и ладить поделки было

сущим удовольствием. Более того, инструмент не тупился. Как и почему это происходило, Петрович не понимал.

Он потом долго допытывался у Агуши, где она такое чудо взяла, а она не понимала, что тут необычного, инструмент как инструмент, ей брат его принес, да у всех такое добро есть, почитай, в каждом доме. Его с работни в Волость привозят, там, скока надо, стока и есть. И инструмент у нее самый запростецкий, ну зачем женщине мужское оборудование? Где эта Волость и как побывать на работне, было теперь для Петровича заветной мечтой. Но он понимал, что так сразу просить у Агушеньки знакомства с ее миром неучтиво и невозможно. А мир этот был настолько фантастическим, что вначале Петрович подумал, что все это просто сон. Тогда, когда он в первый раз попал в этот мир, он так и считал, что спит и все это ему снится. Только это тогда позволило ему успокоиться и не свихнуться, грубо говоря, от тех знаний, которые на него свалились. Произошло это в одну из вьюжных холодных декабрьских ночей, когда он, запоздниившись с заготовки дров, решил пройтись через непролазник; срезав путь от своих заготовительных мест до дома, он заплутал. Как это ни парадоксально и непостижимо, Петрович, который знал всю местность на многие километры вокруг своего жилища и которому чуть ли не каждое деревце, полянка, овражек были знакомы, тогда заплутал. Непролазник, конечно, тогда не был им достаточно изучен, он, как и все жители, не очень любил туда забредать, но уж заплутать в нем Петрович никак не предполагал. Он тогда не испугался, подумаешь, в нескольких километрах от дома, ему все это поначалу даже было смешно. Но, увы, он плутал уже несколько часов, и ветер и снег только усиливались и превратились просто в какой-то ураган. То тут, то там заваливались сухие деревья, с треском, заглушаемым ветром, падающие деревья представляли опасность. Небо и звезды – все было скрыто, и полнейшая темень с ревущим, режущим лицо и глаза снежными крошками месивом – рвало и хлестало все, включая лицо человека. Петрович был полностью обескуражен. Он не представлял, что такое возможно. Он прекрасно представлял, где деревня и куда нужно идти, но каждый раз выходил в новое незнакомое место. Он решил прекратить поиск и переночевать в лесу. Нужно было только найти что-то наподобие какого-то укрытия. Он начал обследовать наиболее заваленные и заросшие можжевеловые заросли, корневища старых деревьев, где могло быть образование, в котором можно было укрыться, искать что-то подходящее для ночлега. Одет Петрович был тепло, и, несмотря на мороз и ветер, при наличии укрытия от ветра до утра он бы протянул, не замерзнув. Ну а утром он точно бы выбрел, даже если бы эта круговерть и не закончилась. Уже порядком подустав, Петрович нашел небольшой овражек и на самом его краю стоящее огромное старое дерево, в основании которого было огромное дупло, которое было прикрыто от ветра земляным навесом овражка и поэтому не было полностью завалено снегом. Петрович быстро очистил вход и забрался внутрь чрева этого исполина. И почувствовал себя очень уютно. Ветер не хлестал его больше крошками льда. Завывая и злясь где-то снаружи, ураган не доставал человека, и вот уже через некоторое время жилище было засыпано, и только расщелина, тянувшаяся кверху по стволу, давала приток воздуха. Петрович заснул, укутавшись в полушубок, в котором всегда ходил в лес, зная, что после работы нужно тепло для согрева мышц. Вот тогда и произошла первая встреча с неведомым. Проснулся Петрович уже в другом мире, выбравшись из своего укрытия в осенний лес, так непохожий на его родной непролазник.

И вот уже несколько лет Петрович – частый гость в этом сказочном мире.

От воспоминаний оторвал шорох за спиной, Петрович обернулся, у входа во двор стояла Агуша с деревянной кружкой в руках.

– Заработался, поди, на-ка вот, – Агуша подала Петровичу освежиться напиток, а сама с интересом разглядывала творчество гостя. – Кочетки-то какие хорошие, – погладила женщина ладно вырезанных Петровичем петушков, обращенных друг к другу и расположенных по верхней планке дверки загона. – Сам такое придумал, у нас таких нет, – констатировала Агуша, с удовольствием поглядывая то на изделие, то на мастера.

– Дек вот кочетки-то у тебя знатные, так и место им тут.

Петрович с удовольствием пил морс из ягод, так кстати принесенный хозяйкой.

– Может, пора и отдохнуть, скоро трапеза, – Агуша посмотрела на Петровича так, что перечить и не захотелось. В избе было прохладно, летний зной не пробирался сквозь толстенные стены дома. Восходящие расплавы нагретого солнцем воздуха, поднимавшиеся от дороги, говорили о полуденном зное. – Завтра надо в Волость везти добавок. Если что, поехали, – женщина посмотрела на гостя. Петрович оживился, он не раз уже намекал хозяйке в предыдущие визиты, что хотел бы посмотреть, как живут люди в ее мире. Но до этого получал вежливый отказ. Хозяйка ссылалась на запрет от старейшин. – С тобой дедушка Ясинь поговорить хочет, – Агуша улыбнулась, показывая, что в этом есть что-то хорошее, которое пока было неведомо Петровичу. А Петрович как мальчишка был рад в душе и не мог этого скрывать, стал улыбаться и чесать затылок, а потом громко несколько раз чихнул и рассмеялся во весь голос, чем также рассмешил хозяйку.

Поднялись до петухов, еще не рассветало. Нужно было подоить Матку, накормить другую живность, загрузить в повозку шары сыра, масло, творог, молоко. Когда все было погружено, поклажи обложили холодом: большими ледяными комьями, взятыми из ледника. А поверх всего навалили сено. Быстро позавтракав, двинулись в дорогу. Собачонка Чаруня отказалась ехать в повозке и весело бежала впереди повозки, иногда срываясь в лес и потом выскакивая на дорогу или перед повозкой или сзади нее.

Воображение Петровича рисовало, как могла выглядеть деревня или поселок под названием Волость. Волостью, как он понимал, называли места, где жили сообща несколько семей, причем количество семей могло быть разным: от нескольких дворов до десятка, а то и трехпяти десятков.

Устройство этого неведомого мира, в который попадал Петрович, было удивительным. Растения, животный мир, люди – все вокруг было настолько чисто и первозданно, что казалось просто нереальным. Во-первых, все было несколько больше обычных земных размеров. Порой казалось, что какой-то невидимый распорядитель просто взял и несколько изменил масштаб реальности, оставив пропорции всего окружающего, но позабыв увеличить самого Петровича. Только Агуша была не так разительно изменена. Но на это она объяснила Петровичу, что она считалась недомерком и была отлична от всего вокруг. Братья и сродники называли ее младшенькой недомерочкой, за что ее больше всех любили и берегли. И одна Агуша жила на выселке по своей воле, супротив желания рода. Ну да при тех чудесах и возможностях жителей этого мира, о которых дальше мы расскажем, жить в любой глуши было совершенно несложно. Телега поскрипывала и неторопливо катила по лесной дороге. Лошадь Цветочек везла ее с легкостью, несмотря на солидный груз. Нужно сказать, и Цветочек была ничуть не меньше размерами – с обычного земного огромного лося или верблюда. Но, конечно же, красивая и пропорционально сложенная, как и подобает здоровой, крепкой рабочей лошади.

Везли добавок, как называла свой груз Агуша. Из ее рассказов Петрович знал, что добавок – это продукция Агушиного хозяйства. Сыры, творог, молоко, производством которого Агуша занималась и который она отвозила в Волость людям. Отвозила и передавала в молочные дворы, которые были у ее братьев. Оттуда продукты раздавались всем, кому были необходимы. В Волости были разные дворы. Дворы инструмента, дворы одежды, дворы рассады, дворы хлебные, дворы, в общем, всякого того, без чего не прожить.

Все это не покупалось и не продавалось, все это бралось согласно необходимости и, что больше всего удивляло Петровича, бралось не в обмен, а просто по необходимости, по достаточной разумной необходимости. Каждый двор, в свою очередь, производя что-то, совершенно не считался, сколько он произвел и сколько взял чего-либо необходимого. Каждый старался произвести своей продукции как можно больше и как можно лучшего качества. Ехали молча, Петрович представлял, как может выглядеть поселение и как его встретят там, да и масса

других вопросов вертелась в голове, на которые он не мог дать себе какой-либо вразумительный ответ. Петрович взглянул на Агушу, та ехала в передней части повозки и откинулась спиной на сено. Глаза были закрыты, и женщина чему-то улыбалась. Вожжи были в руках, но лошадка сама шла по знакомой ей дороге, не требуя какого-то управления. Агуша открыла глаза и посмотрела на Петровича.

– Ну да уж спрашивай, чего томишься?

Петрович отвел взгляд засмущавшись.

– Скажи, Агушенька, ты вот объясняла, что вы возите в город… – Петрович замялся и поправился: – В Волость добавок: каждый то, что производит и кто в чем мастер. Это мне понятно, понятно и то, что там обмениваете на все необходимое – каждому по потребности. Но как вы знаете, сколько произвести какого товара, вообще, как определяете необходимость и спрос на товар? Кто вам сообщает, что нужно, в каком количестве.

– Ну вы дети неразумные прямо, – Агуша повернулась к Петровичу и подперла рукой голову, глядя на вопрошавшего и разглядывая его. – Во-первых, городов у нас нет. Это в вашем мире города. Места смерти и тоски. Во-вторых, мы живем родами, и роды связаны между собой. Порой разные роды имеют сродников в дальних временах. Мы живем вместе в одном мире. Понимаешь ли? – Петрович пожал плечами. – Ну вот вы, например, бывает, чувствуете, что с кем-то из близких что-то случилось. Это вы называете интуицией. Это у вас происходит в различных особенных обстоятельствах. У нас чувство рода не эпизодическое, а постоянное. Мы чувствуем своих постоянно. Причем не только в экстремальных ситуациях, а во всем. Понимаешь ли, мы живем в сердце рода и наши сердца не разобщены, мы не разучились слышать сердце, – Агуша наклонила голову, рассматривая Петровича, как будто определяя, как ее слова, дошли ли до него.

– А откуда тебе известно, как у нас бывает? – Петрович с интересом взглянул на собеседницу. – Вы что, наш мир знаете?

– А как же, конечно, знаем, знаем ваш мир, – Агуша посмотрела на Петровича с жалостью в глазах и даже непроизвольно погладила Петровича по руке. – Бедные вы, бедные детки.

Петрович совсем опешил и растерялся. В этот момент телегу тряхнуло и Петрович чуть не свалился с телеги, так как сидел, боком свесив ноги, а Агуша опрокинулась на мягкую соломенную гору, наваленную на телеге. Оба рассмеялись. Петрович залез в телегу, улегся рядом с Агушей и решил расспрашивать ее до победного. Он хотел полностью понять, где он оказался и что это за такие необычные люди тут живут.

– Я все-таки плохо понимаю, как это – в сердце рода, что это значит и почему у нас не так.

Агуша улыбнулась:

– Тебе это трудно будет уяснить, ты не видишь нити мирозданья, но попытаюсь. Понимаешь, человек мудр своим сердцем, а не умом. Умом он размышляет, а сердцем знает. У вас, бедных деточек, паразиты разрушили связь ваших сердец с сердцем вашего человеческого рода, сердца бьются порознь. Боль и страдания, войны, личный эгоизм и порой, как у вас называется, бессердечие закрыли от вас видение нитей ткани мирозданья. Все ваши человеческие чувства искорежены, и часть из них просто отсутствует. – Агуша еще раз посмотрела на Петровича. – Ну, по-вашему, все ваши психические центры разбалансированы и спят.

Петрович почесал висок:

– Я где-то читал, что есть какие-то центры в человеке. Этому индусы вроде учат, йоги называются, – Петрович как-то растерянно посмотрел на своего учителя. – Но я и так понимаю. Наш мир бессердечен.

Агуша опять улыбнулась и как-то нежно погладила Петровича по руке:

– Да ты не расстраивайся, у вас много людей хороших, и сердца у них не умерли. Вам только… – Агуша замолчала, видимо, обдумывая, что сказать. – Вам помочь нужно и понять,

что дальше-то погибель. У вас уж не раз разрушалось все, но все-таки опять возрождалось. Вашим Кощеям пока не по зубам одолеть человека.

– Но вы-то откудаво знаете все о нас и, вообще, где вы? Ну, то есть мы сейчас в какой части Земли-то находимся?

Агуша опять рассмеялась своим звонким, как колокольчики, смехом:

– Да ты никак думаешь, что ты на Земле, вот только забрел невесть куда.

– Ну а где же я? – Петрович уставился на собеседницу, не понимая, о чем ему говорят.

– Эх, ты не на Земле, и не на Марсе вашем, и не на… вообще, не где-то там, где у вас мог бы быть. Ты в другом мире, понимаешь ли? В другом мире. Здесь другая Земля, другой Марс, Солнце другое, все другое.

Петрович опешил и как-то даже оробел, он представлял, что путем каких-то невиданных сил попал на Землю, в какое-то невиданное место с невиданными людьми. Но то, что он вообще невесть где, он и представить не мог. Петрович перекрестился для спокойствия и как-то автоматически:

– Ну а Бог-то тут наш ли?

Агуша покачала головой:

– Бог-то, Он один, милой мой, Он все сотворил: и ваш, и наш мир. И еще столько миров, о чем ты, Васята Петрович, и представить-то не можешь. И к вам приходил Сынок-то Его, вас из погибели вызволял. Вы его Спасителем-то не зря называете. И наши дедки к вам приходят иной раз помогать. И ваши добры люди, кто за Спасителем пошли, трудятся. Но да все пока не исправить. Слишком уж у вас сильно… – Агуша опять не находила слово.

– Так мы на Земле ли али где? – несколько растерянно задал вопрос своей чудной собеседнице Петрович. – Вы-то люди вроде, как и мы, такие же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.